

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ПАМЯТИ

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПРЕМЬЕРА

К ПРОЗЕ писателя Юрия Бондарева театр имени Гоголя обращается не впервые. Два года назад на его сцене родилась инсценировка романа «Горячий снег» — спектакль простой и суровый, о трудных буднях войны.

Шестидесятилетню Велюко-го Октября коллектив посвятил свою новую работу — премьеру «Берега», в основе которой также одноименный роман писателя, инсценированный М. Рогачевским. Думается, нет нужды характеризовать литературное произведение, хорошо известное читателям, отмеченное Государственной премией СССР. Важно подчеркнуть другое — решимость театра (постановщик Б. Голубовский, художник Э. Стенберг), не побоявшегося перенести на сценические подмостки столь сложный, многоплановый роман, исполненный глубоких философских раздумий автора о войне и мире, дне нынешнем и дне вчерашнем, о сопричастности каждого человека к происходящему на планете и ответственности каждого перед обществом и судом собственной совести.

А трудность задачи состояла прежде всего в том, чтобы, не теряя сюжетной нити повествования, пройти вместе с героем романа — умудренным жизнью писателем Вадимом Никитиным — дорогами его памяти, бескомпромиссно, беспощадно, теперь уже на весах истории взвешивая каждый свой шаг.

Строго, лаконично оформление сценического пространства, в котором преобладающие краски — все оттенки черного, переходящие в пепельно-серые и белые тона. Спускающиеся с колосников щиты мгновенно преобразуют сцену, создавая иллюзию гостиничного номера, безлюд-

ной ночной улицы, зала аэропорта или чопорного салона гамбургских любителей изящной словесности. А стоящие строгими рядами по обеим сторонам сцены деревянные стулья с высокими готическими спинками усиливают ощущение нашего присутствия на суде человеческой памяти.

Создатели спектакля напаша интересный, как мне представляется, и вполне оправданный прием: одновременное пребывание на сцене двух Никитиных и двух Эмм — сегодняшних, какими встретились они через двадцать шесть лет разлуки, — писатель Никитин (А. Кулагин) и фрау Герберт (С. Брагарник), и тех, какими они были, — лейтенант Никитин (А. Скворцов) и юная Эмма (О. Науменко) — где-то там, под Берлином, в маленьком городке Кенигсдорфе в последние дни войны.

И не просто лирическим воспоминанием, а цепью драматических остроконфликтных эпизодов встанут военные сцены этого спектакля. В них — истоки становления характера молодого человека военного поколения, сквозь огонь и кровь пронесшего в чистоте высокие идеалы гуманизма, никогда не изменявшего им, и сегодня идущего за них на бой, но уже на иных полях сражений — в схватке идей, в битве мировоззрений.

Неторопливо, пристально рассматривает театр грани этого характера, предстоящие перед нами и в образе молодого, горячего лейтенанта Никитина, и в друге Никитина — лейтенанте Княжко (Е. Меньшов), удивительном по своей кристальной чистоте, юношескому максимализму, рыцарю без страха и упрека.

Они и в гордом достоинстве, непоказном мужестве врача Гали Аксеновой (Л. Гаврилова), и в истовости, самозабвенности выполнения своего ратного долга, которыми отличается каждый поступок молодого солдата Ушатикова (А. Вологдин), наводчика Таткина (Ю. Чехов), сержанта Зыкина (В. Гилинов).

Только не каждый человек, даже если он храбр, находчив и смел перед лицом врага, способен выдержать испытание на духовную прочность. Философия вседозволенности, цинизм, бессмысленная жестокость, гипертрофированное самоничтожение, которыми обуславливаются поступки комбата Гранатурова (В. Краснов) и сержанта Меженина (В. Афанасьев), далеко разводят их с Никитиным и Княжко. Соратники в священной борьбе против общего врага — фашизма, они оказываются непримиримо разными в истолковании категорий нравственных: человечности, милосердия, бескорыстности, душевного благородства, моральной чистоты.

И диспут, который внутренне страстно, а внешне корректно, сдержанно, даже с улыбкой поведет писатель Никитин со своими оппонентами во главе с критиком Дипманом (Е. Красницкий) в литературном салоне Гамбурга, диспут об идеалах и духовном мире человека семидесятых годов, станет словно бы продолжением той давней схватки.

Он имеет особое значение в спектакле, как, разумеется, и в романе, — идейный, мировоззренческий поединок, дважды возникающий по ходу действия между Никитиным и Дипманом, в основе которого уро-

ки, извлеченные из трагедии второй мировой войны. Важный политический и философский спор, придающий всему сценическому действию острый публицистический характер. Здесь важны не только слова — каждая интонация. Вот почему хотелось бы обратить внимание театра на то, как звучит сейчас первая встреча советских писателей с гамбургскими журналистами, в которой вдруг неправомерную роль начинает играть сопереживающий Никитина Самсонов (В. Кучеровский), превращающий дискуссию в явную перебранку. Видимо, несколько большим должен быть и эмоциональный нахал в первой части спектакля, пока еще слышимой ровной и плавной в своем неторопливом течении...

Прекрасной идейной и эмоциональной кульминацией второй части стала сцена гибели лейтенанта Княжко, прочитанная театром как акт найвысшего проявления гуманизма советского солдата, страстно верящего в возможность избежать напрасного кровопролития. И эти последние шаги, которые делает Княжко по лесной поляне навстречу своей неожиданной, нелепой смерти, словно последний отрезок пути к тому прекрасному берегу, что всегда вставал перед мысленным взором Никитина в решающие минуты его жизни.

Наверное, можно было бы сказать еще немало и об отдельных интересных актерских работах, режиссерских находках, достоинствах инсценировки. Но не в этих частностях суть. Главное — живет на столбчатой сцене спектакля, умный, взволнованный, подаривший нам радость встречи на сценических подмостках с прекрасной, глубокой прозой Юрия Бондарева.

Н. БАЛАШОВА.